

На правах рукописи

Охтенъ Софья Александровна

Идейно-художественное своеобразие «Повести о Горе-Злочастии» в её отношении к книжной и фольклорной традициям Древней Руси

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2002

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Омского государственного педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор *Леонова Т.Г.*

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Кондаков Б.В.*;
кандидат филологических наук,
доцент *Соболева Л.С.*

Ведущая организация - Курганский государственный университет

Защита состоится 29 октября 2002 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51; комната 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета

Автореферат разослан

«__» _____ 2002 года

Ученый секретарь
диссертационного совета -
доктор филологических наук,
профессор

М.А. Литовская

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена интересом современной медиевистики к вопросу специфики литературного процесса в XVII веке, ставшем переходным этапом от древнерусской литературы к новой. Анализу происходивших качественных изменений посвящены работы многих специалистов в области древней словесности – В.П. Адриановой-Перетц, А.С. Дёмина, А.С. Елеонской, И.П. Еремина, Д.С. Лихачева, С. Матхаузеровой, А.М. Панченко, Н.В. Понырко, А.М. Ранчина, А.Н. Робинсона, Е.К. Ромодановской и других. Объектом изучения стали переводные повести, силлабическая поэзия, театр, школьная драма. И особое место в этом ряду заняла оригинальная беллетристика, в частности «Повесть о Горе-Злочастии», один из наиболее ярких и выразительных образцов повествования переходного времени.

О необходимости рассмотрения Повести во взаимосвязи с фольклором и древнерусской литературой было заявлено еще в работе Ф.И. Буслаева, посвященной анализу «Повести о Горе-Злочастии», что в дальнейшем неоднократно подтверждалось исследователями – В.Ф. Ржигой, Д.С. Лихачевым, А.М. Панченко, Н.А. Баклановой, Н.С. Демковой и др. Была определена связь Повести с устнопоэтическим материалом, а также книжные принципы его упорядочения. Сделан существенный шаг в понимании идеи повествования: его сюжетное и морфологическое сходство с притчей о блудном сыне позволило выявить идейно-тематическую близость Повести к произведениям древней и новой литературы, созданных на основе евангельского сюжета, что, на наш взгляд, определяет перспективу для дальнейшего анализа книжной традиции оригинального памятника XVII века.

Актуальность темы настоящей диссертации обусловлена недостаточной изученностью книжной основы Повести, а также отсутствием сведений о

специфике взаимодействия разнородных компонентов произведения, участвующих в воплощении религиозного идеала человеческого существования. Рассмотрение диссертантом идейно-художественного своеобразия Повести в соотношении с представленными в тексте традициями позволяет проанализировать на конкретном материале их истоки и особенности функционирования. Представляется, что рассмотрение этих мало изученных вопросов позволит увидеть «Повесть о Горе-Злочастии» во всей полноте её фольклорно-литературных связей, раскрывающих глубину и богатство смысловых коннотаций, что, в свою очередь, дополнит и углубит понимание авторского замысла произведения.

В этой связи целостный подход в изучении художественной природы Повести представляется наиболее важным и перспективным.

Таким образом, **объектом исследования** в диссертации стала стихотворная «Повесть о Горе и Злочастии, какъ Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чинъ», **предметом исследования** – книжная и фольклорная традиции, элементы которых участвуют в создании идейной структуры произведения.

Цель работы заключается в системном анализе книжной и фольклорной традиций названного литературного памятника. Для её достижения в работе ставятся следующие **задачи**:

1. Установить источники, функциональное значение и характер реализации книжных элементов в Повести.
2. Определить и проанализировать жанровую специфику Повести в рамках литературной традиции Древней Руси.
3. Установить и описать элементы фольклорной традиции, обуславливающие идейно-художественное своеобразие произведения.
4. Проанализировать связь Повести с фольклором на сюжетно-композиционном, образном и идейно-тематическом уровнях.

5. Определить характер и уровни взаимодействия фольклорной и книжной традиций на основе анализа архетипической модели и персонажного уровня повествования.

Методология исследования. В диссертационной работе ведущими стали сравнительно-типологический и генетический методы, помимо этого были использованы приемы структурно-семиотического и интертекстуального анализа. Методологической и теоретической базой исследования послужили работы специалистов по древнерусской литературе XIX – XX вв.: Ф.И. Буслаева, А.Н. Пыпина, Н.С. Тихонравова; В.П. Адриановой-Перетц, В.Е. Багно, Н.А. Баклановой, О.Д. Горелкиной-Журавель, О.А. Державиной, Н.И. Колгуриной, Д.С. Лихачева, А.В. Пигина, Р. Пиккио, Л.В. Титовой, М.С. Фоминой, фольклористов: А.Н. Веселовского, А.В. Гуры, Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, С.Е. Никитиной, М.Б. Плюхановой, В.Я. Проппа, Ф.М. Селиванова, А.П. Скафтымова, Н.И. Толстого, А.Ю. Федорова, А.В. Юдина, Ю.И. Юдина и др., исследования, посвященные структурному анализу и семиотике: А.К. Байбурина, Б.М. Гаспарова, Вяч. Вс. Иванова, Г.А. Левинтона, Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Т.В. Цивьян.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые специальное исследование посвящено анализу библейской топики, связавшей оригинальную русскую повесть XVII в. с книжной традицией Древней Руси, в частности, с учительной литературой. Хотя интерес ученых и прежде был связан с анализом художественных особенностей памятника, вопрос об обусловленности его смысловой структуры книжными мотивами и реминисценциями никогда не ставился. Также новым является изучение семиотики пространства памятника, концепты которой коррелируют с символикой русского духовного стиха.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что ее основные положения и выводы могут быть полезны в

дальнейшем изучении древнерусской книжности в связи с проблемой влияния на текст различных традиций, с вопросом специфики авторского сознания в литературе переходного периода.

Научные результаты исследования заключаются в следующем:

1. Проанализирован характер структурного и смыслового взаимодействия фольклорных и книжных элементов произведения.
2. Доказана доминирующая роль книжных мотивов и реминисценций в создании идейного плана повествования.
3. Обнаружены и прослежены интертекстуальные связи произведения с книжными источниками на образном, сюжетно-композиционном и идейно-тематическом уровнях.
4. Доказано использование Повестью библейской топики для изображения жизни человека своего времени.
5. Выяснена и показана семиотическая функция концептов духовного стиха в сюжетном пространстве произведения.
6. Отмечена роль притчевого начала в создании лаконичного и емкого по смыслу назидательного повествования.
7. Раскрыта мифопоэтическая основа сюжета; выявлены архетипические мотивы памятника.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов при разработке лекционных и специальных курсов по истории древнерусской литературы, а также в спецкурсах и спецсеминарах, связанных с изучением духовной культуры русского Средневековья.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Идейно-художественное своеобразие «Повести о Горе-Злочастии», памятника второй половины XVII века, обусловлено особым взаимодействием двух традиций – фольклорной и книжной.

2. Книжная традиция в Повести представлена определенным комплексом библейских мотивов, цитат и реминисценций, которые образуют обобщенно-символический план повествования.
3. Библейский план Повести включает ветхозаветные и новозаветные «ассоциации» и представляет собой структуру, в которой доминируют евангельские мотивы. Это обусловлено двумя причинами: традиционными в христианской культуре представлениями о Ветхом Завете как прообразе Нового Завета и значимостью для повествования в целом идеи спасения.
4. Обращение через посредство книжных покаянных стихов к евангельской притче о блудном сыне определяет сюжетно-композиционное своеобразие Повести, особенности идейного содержания произведения и средств его воплощения.
5. В «Повести о Горе-Злочасти» идея спасения реализуется в системе этических представлений народного христианства, которая получила отражение в русских духовных стихах.
6. На уровне жанра идея спасительного пути воплощена в Повести благодаря притчевому началу, которым обусловлены назидательный тон и лаконизм изображения.
7. Исследование архетипической структуры сюжета произведения выявило сложность взаимодействия фольклорной и книжной традиций на функционально-семантическом, мотивном, образном и сюжетно-тематическом уровнях.

Апробация исследования осуществлялась в процессе обсуждения на заседании кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета. Основные положения диссертационной работы получили отражение в докладах на Международной научной конференции «Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2000), на IV Всероссийской конференции «Русский вопрос:

история и современность» (Омск, 1999); на VII, VIII, IX научно-практических семинарах Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» (Омск, 1998, 1999, 2000), на региональной научно-практической конференции «Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей» (Омск, 2001); на межвузовских конференциях (Омск, 1999, 2001).

По теме диссертации опубликовано 6 статей.

Объем и структура. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Содержание работы изложено на 172 страницах. Библиография включает 399 источников.

Основное содержание работы

Введение. Во введении обоснован выбор темы, сформулированы цели и задачи работы, объект и предмет исследования. Дана история изучения вопроса, определены необходимые методологические принципы работы с материалом.

Глава I. «Библейская традиция в «Повести о Горе-Злочастии». В первой главе ставится вопрос о книжных источниках магистральных для идейной структуры произведения мотивов.

Интерпретация истории молодца на основе ветхозаветного сюжета подсказана автором Повести, который упоминанием о «несмысленном» и «неуимчивом» человеческом сердце вводит тему ума-глупости. Предельно четко заявленная в Повести тема неразумия позволяет выделить сквозной для всего произведения мотив, генезис и символическая природа которого определяют своеобразие персонажного и сюжетно-композиционного уровней повествования.

Сопоставление близких текстуально вступления Повести и зачина из Стиха о Голубиной книге, вошедшего в сборник Кириши Данилова, демонстрирует значимость для Повести мотива *сердца* при изображении

участи прародителей. Этот мотив выполняет организующую роль в развитии повествования.

«Закон» и «заповедь» на языке Писания изображаются описательно в виде возможности сделать добро или зло. Библейская метонимия, называющая предмет (закон) по его последствиям, обуславливает семантику сердца, обозначающего человека в целом. Сердце - один из самых емких и многозначных образов Писания - наряду с безусловным, имеющим непосредственное отношение к жизни христианина, значением, содержит символический смысл. В Библии символ сердца – классифицирующий при оценке нравственного состояния человека или народа. Так, сердце праведника в Писании названо кротким и сокрушенным [Пс. 50:19], смиренным [Мф. 11:29], чистым [Пс. 50:12], мудрым [Исх. 35: 10] и разумным [3 Цар. 3:9, 12]. Сердце же грешника надменно [Притч. 16: 5] и лукаво [Иер. 17:9], оно черствое, ожесточенное грехом и своеволием [Исх. 9:34-35; 2 Пар. 36:13; Зах. 7:12; Евр. 3:15], ожиревшее [Пс. 16:10; 72:7; 118:70], огрубевшее [Ис. 6:9-10], окаменевшее [Мк. 8:17-21; Иез. 11:18-21], развратное [Втор. 17: 17], непокорное, жестокое [Иез. 2: 4], бесчувственное, идолопоклонническое [Иез. 14: 4], несмысленное и суетное [Римл. 1: 21], человек с неразумным сердцем безумен в своем самомнении [Римл. 1: 28-31]. А собственно наделенность сердцем в Писании означает способность быть разумным [Втор. 29:4]. Библия именуется ряд персонажей, обреченных на гибель, – Сигона, царя Есевонского [Втор. 2: 30], фараона и египтян [Исх. 7: 3, 9: 12], Навуходносора [Дан. 5: 20], Валтасара [Дан. 5: 21] и других людьми с ожесточенным грехом надменности сердцем. Таким образом, упоминание в Повести о «несмысленном» и «неуимчивом» сердце прародителей и их потомков отсылает к библейскому описанию внутреннего состояния грешника и служит емкой символической характеристикой ситуации отчуждения между прародителями и Творцом, в дальнейшем – между потомками Адама и Евы.

Описание жизни человеческого рода, полной неправды, суеты и гордыни, также соотносится с изображением в Книге Бытия существования сынов и дочерей человеческих [Быт. 6:5, 11-12]. В Повести сообщение о Божьем гневе на “непокорливое племя”, “отринувшее” смирение, приобретает эсхатологический оттенок в контексте ветхозаветного сюжета о потопе [Быт. 7: 6-24]. Вместе с тем эсхатологические аллюзии при описании прегрешений человеческого рода имеют в повествовании предупреждающий характер, что значимо, прежде всего, для традиции Нового Завета [Римл. 1:18]. Таким образом, в повествовании на основе ветхозаветных и новозаветных мотивов и реминисценций формируется особый контекстуальный план, который выполняет роль “семантического ключа” (термин Р. Пиккио) к “основному” сюжету о молодце. Более того, в системе существующих устойчивых аллюзий с библейской традицией Повесть приобретает иной, онтологический, план, в проекции на который история молодца получает обобщенно-символический смысл. Трансформируясь под влиянием ветхозаветного сюжета о грехопадении, рассказ о молодце предстает как обновление исходного события на новом временном витке. Так, нарушение “божественной” заповеди Адамом и Евой определяет ход истории человеческого существования, отмеченного грехом, смертью и осуждением. И в этом случае родители молодца уподоблены Творцу, сам молодец – “ветхому” Адаму, неразумное сердце которого стало причиной грехопадения. На фоне катастрофического разрыва времен и поколений родительские советы составляют основу “законной” заповеди, поставленной людям Богом для жизни на земле, а значит, спасительны, так как, по аналогии с заповедью “зиждителивой”, имеют целью предостеречь и охранить юного героя.

Показательно, что общее содержание родительских наставлений ориентировано на афоризмы практической мудрости, а именно на содержание библейской Книги Притчей Соломоновых. Непосредственным

источником, использованным автором Повести для составления советов, явились четыре сборники. Они сохраняли связь с авторитетными книгами Писания, сообщавшими учительной традиции тематическую устойчивость и жизнеспособность.

В диссертационной работе на материале средневековых европейских поучений, поучения Владимира Мономаха (XII в.), сборников Златоструй, Златоуст, Торжественник, Домострой, Пчела прослежены библейская основа отеческих наставлений, их жанровые особенности, назначение и принципы составления, национальная специфика. Главным критерием, выдвинутым в работе при определении конкретных источников, стал принцип традиционности содержания древнерусских четырех сборников, в которых цитаты из творений отцов церкви, библейские *loci communes* объединялись и варьировались в рамках заявленной темы. В качестве устойчивых и наиболее популярных выделены наставления против пьянства и блуда, против вражды и злобы, об исправлении и покаянии, о скорби и кратковременности человеческой жизни. Факт знакомства автора Повести с древнерусской учительной традицией подтверждается общностью отдельных тем и мотивов, восходящих, в свою очередь, к библейским текстам.

В «Повести о Горе-Злочасти» значимость мотивов *сыновнего неразумия* и *непокорного сердца* подчеркивается авторитетом Библии. Взаимообусловленность данных мотивов определяется Ветхим Заветом, где говорится о необходимости вписать сыну заповеди на «скрижали сердца» [Притч. 3:3], что является бесспорной отсылкой к каменным скрижалям с десятью заповедями, которые Яхве передал Моисею на Синае [Исх. 31:18].

В Ветхом Завете мудрость человека определяется его желанием созидать благо, т.е. следовать пути Господа и Его заповедям [Притч. 10:8; 29:23; 22:4]. Комплекс данных аллюзий имеет место в повествовании при характеристике поведения молодца, не послушавшегося своих родителей.

Указания на его глупость и несовершенство разума – ключевые в оценке молодца.

Общий вывод об актуальности темы отеческого назидания в «Повести о Горе-Злочастии» в диссертации делается на основе текстологического анализа наставлений «Виршевого Домостроя» (XVII в.), содержание которого в сочетании со стихотворной формой является оригинальной особенностью, подчеркивающей новые художественные принципы работы с традиционным материалом.

Идейно-тематическое своеобразие Повести характеризуется не только ее зависимостью от предписаний Книги Притчей Соломона, в которой тема «неразумия» содержит религиозную семантику и представляется в пространственном аспекте: жизнь человека с неразумным сердцем оценивается как безусловно *грешный* путь [Кн. Притч. 2: 8; 3:6; 4: 14-15; 9: 6]. Евангельские и ветхозаветные аллюзии объединяют Повесть с произведениями древнерусской литературы, посвященными поучительному рассказу о горькой судьбе героев с «надменным сердцем». Популярность сюжета о злоупотреблении «самовластью», о котором предупреждала учительная традиция Древней Руси, имела особое значение в литературе, тяготевшей к построению образных рядов по анфиладному типу – к своеобразной каталогизации литературных героев в соответствии с устоявшимися канонами изображения *верного* и *неверного* пути.

Тема губительного пути помещает Повесть в широкий контекст древнерусской книжности, объединяя ее с произведениями древнерусской литературы разных временных периодов – со «Словом о полку Игореве» (XII в.), «Словом Даниила Заточника» (XII – XIII вв.), с «Азбукой о голом и небогатом человеке» (XVII в.), «Повестью о Савве Грудцыне» (XVII в.). Общим для героев этих произведений является библейский план, связывающий персонажей древнерусской литературы с образами Писания, ставшими символами строптивости и непослушания. В древнерусской книжности, явившейся объектом нашего внимания, герои вызова находят

свое соответствие с ветхозаветным лицом – Адамом, в новозаветном контексте - с образом блудного сына.

В «Повести о Горе-Злочастии» молодец, падший Адам, обнаруживает черты блудного сына из евангельской притчи, рассказывающей о различных путях к спасению [Лк. 15:11-32]. На композиционном уровне история жизни молодца выстраивается по модели евангельской притчи, фабульные элементы которой аналогичны пунктам движения молодца: уход из дома, мотивированное желанием жить по-своему, нищета на чужой стороне, сожаление, затем раскаяние и примирение. На фоне евангельских реминисценций складывается схема спасительного пути, из чего делается вывод, что новозаветные идеи и мотивы получают более глубокую разработку в «Повести о Горе-Злочастии». На их основе формируется сюжет о раскаявшемся грешнике, прошедшем *беззаконие/непослушание – искушение – падение – обретение духовного опыта/разума – покаяние/возрождение*. Как следствие - ветхозаветные реминисценции, актуализировавшие момент “ухода”, «снимаются» в евангельском контексте, в котором тот же мотив объединен с темой прощения как вечного «возвращения» в дом Небесного Отца.

В диссертации делается вывод о том, что проецирование событий Повести на новозаветный план стал определяющим для ее идейной структуры, явившейся медиатором христианской идеи спасения. Жизненный путь молодца может быть истолкован символически в рамках существующей библейской триады: *завет – сердце – спасение*. Используемые автором ветхозаветные и евангельские реминисценции в контексте всего произведения выполняют дополнительную координирующую функцию: оба уровня ассоциаций соотносятся между собой как обет и исполнение – так соотносятся между собой события Ветхого Завета и Нового. События ветхозаветной истории исполняются в соответствии с новозаветной идеей искупления и спасения. В системе библейских реминисценций, цитат и аллюзий молодец выступает

«префигурацией» ветхого Адама и в то же время человеком, преодолевшим инерцию своего грешного существования.

Сюжетный лаконизм и смысловая емкость повествования достигнуты благодаря проникновению притчевого начала. Рассказывающая о беззаконии человеческого рода и поиске спасения безымянным его представителем, Повесть служит поучительным примером для читающей аудитории; психологизм, дидактичность, символическое наполнение роднят ее с притчей. Автор обнаруживает знакомство с принципами символического повествования, используемыми прежде всего притчами Св. Писания. В результате идейное содержание Повести обрело необходимую смысловую полноту, тематическое единство и убедительность.

Из сказанного следует, что идейный план, проблематика, особенности повествовательной структуры и жанровое своеобразие «Повести о Горе-Злочастии» определяются в русле книжной традиции. Повесть находится в состоянии активного диалога с литературой предшествующего времени на уровне общих библейских тем и мотивов, которые погружены в толщу сюжетного материала, но остаются важной стержневой конструкцией в воплощении авторского замысла.

Глава II. «Повесть о Горе-Злочастии в ее отношении к фольклорной традиции». Глава посвящена изучению роли и места фольклорных элементов в реализации сюжета о раскаявшемся грешнике.

Выбранный аспект изучения фольклорной традиции позволил избежать эклектики в определении фольклорного компонента Повести, который большинство исследователей связывали с влиянием различных жанров фольклора. А.Н. Пыпин, один из первых исследователей Повести, отвел ей «среднее» положение, поместив между сказкой, былиной и духовным стихом. При этом ученый склонялся к мысли о сказочном прототипе повествования, в котором сюжет борьбы считал одной из жанровых примет.

На современном этапе исследование сюжета Повести в соответствии с морфологией волшебной сказки нам представляется методологически уязвимым, поскольку подобный анализ применяется к литературному тексту со сложной мотивной структурой. Достаточно отметить, что идея «Повести о Горе-Злочастии» полемична сказке, обращенной к миру реальному с его земными ценностями и оценками. С другой стороны, не существует каких-либо определенных смысловых корреляций у Повести с песнями о Горе, послужившими лишь необходимым материалом для основной коллизии повествования. В отличие от лирического сюжета, борьба с Горем в памятнике не имеет фатального характера, наоборот, в заключительной молитве выражена надежда на окончательное спасение героя. С этих же позиций (без учета семантики отдельных мотивов в структуре повествования) устанавливалось сходство стихотворной повести с былинным эпосом на сюжетно-тематическом уровне. Однако предпринятые усилия относительно выяснения фольклорного влияния на Повесть позволили, на наш взгляд, обнаружить своеобразие произведения, реализовавшего в смысловой структуре религиозную систему оценок. В свое время Ф.И. Буслаев и А.Н. Пыпин указали на связь проблематики оригинальной повести с назидательным началом русского духовного стиха. Данные размышления стимулируют поиск новых координат для выявления места и значения фольклорного компонента в идейной структуре «Повести о Горе-Злочастии».

Анализ функциональных особенностей отдельных «общих мест» из фольклорного фонда (например, эпизода похвальбы) показал, что в повествовании подчеркнута религиозное осмысление событий. Поскольку в Повести на основе книжных мотивов и реминисценций реализована система христианских представлений о жизненном пути человека, для реконструкции и интерпретации этической модели произведения была проанализирована пространственная семиотика русского духовного стиха, выяснена семантика его основных концептов и функция в повествовании.

В результате были выявлены основные ориентиры пути молодца: *дом, чужая сторона, река, монастырь*.

Специфику внутреннего мира духовного стиха составляет синтез общехристианских и народных воззрений на человека и его отношения с Богом, в рамках которых сформировались моральные представления о должном и недолжном, правильном и неправильном. Этика духовного стиха базируется на соблюдении человеком нравственных законов и религиозных предписаний.

В Повести люди, не слушаясь «божественной» заповеди, впадают в состояние «неправды», которое имеет особый смысл в системе народных христианских воззрений. В духовных стихах знаком общей несправедности является Кривда. Ее торжество на земле свидетельствует о запятнанности мира беззаконием, что, в свою очередь, стимулирует поиск человеком спасительного места. Локусом спасения в стихах, по наблюдениям С.Е. Никитиной, служат гора, пустыня, «тесное» пространство кельи или монастыря.¹ Таким образом, семиотика духовного стиха, построенная на противопоставлении земного небесному, мирского спасительному, грешного святому, имеет глубоко религиозный характер.

Свойственная духовному стиху дихотомия суетного мира и вечной жизни реализуется в Повести через противопоставление «безвременья», характеризуемого распадом связи времен и поколений, и вечности, с которой в заключительной молитве «Избави, господи...» ассоциируется «светлый» рай. С точки зрения фольклорной семантики, «безвременье» - это «нулевое» апокалиптическое время, наступающее, когда земля переполняется человеческими грехами. В этом случае молодца движение к спасительному месту расценивается автором как необходимость, в более широком масштабе – как смысл существования человеческого рода, обремененного грехами и житейскими попечениями.

---

¹ Никитина С.Е. Келья в три окошечка (о пространстве в духовном стихе) // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 350-355.

В ходе анализа семантики концептов пути и дома в «Повести о Горе-Злочастии» выяснилось, что религиозные представления о спасенном пути и монастыре как сакральном локусе тесно связаны с традицией духовного стиха. В диссертации сделан вывод о знаковом характере пути молодца, что позволяет говорить о воплощении евангельской идеи спасения символическими средствами духовного стиха, отразившего в своей основе этические представления народа о покаянии и вечной жизни. Композиционная структура повествования отражает свойственный народному сознанию космологический масштаб восприятия жизни: сотворение, грехопадение, мытарства («злострадание»), Страшный Суд. В соответствии с оппозициями духовного стиха: святое/грешное, жизнь вечная/смерть движение молодца в сюжетном пространстве произведения прочитывается как выход из погубленного грехом-неправдой мира. Употребленный применительно к его пути эпитет *спасенный* не оставляет сомнений в духовном качестве совершаемого героем перемещения. Символичность и весомость перехода подчеркнуты в повествовании сакральной границей – *святыми воротами* монастыря.

В Повести *спасенный путь* - наиважнейший концепт в семантическом поле духовного стиха - служит конкретизации идеи покаяния и разрыва с грехом. Спасение в народном мировоззрении имеет особый смысл в силу сложившихся представлений о грехе: грех, как и несчастливую долю, необходимо *избыть*. Для молодца переход в монастырь означает не только расставание с мирской жизнью и ее атрибутами – домом родителей, богатством, невестой, но переход в область вечного с сопутствующими идеями выбора, становления, защиты, личной ответственности пред Богом. Путеводителем молодца в таком случае становится не накликаемая судьба, но силы более высокого порядка. Моментом, фиксирующим внутреннее изменение персонажа, является в Повести эпизод у *реки*, границы между двумя мирами.

Основные характеристики пограничного состояния героя выявлены на основе анализа существующих в фольклоре представлений о семиотически значимых перемещениях. Поскольку идея Повести имеет религиозный оттенок, то была принята во внимание функция огненной реки в духовных стихах о Страшном Суде. Сопоставительный анализ эпизода с перевозчиками выявил типологическую связь реки в повествовании с апокалиптической рекой очищения. Библейский образ огненной реки, известный по апокрифу «Хождение Богородицы по мукам», был переработан духовными стихами. Будучи границей между адом и раем, река часто обозначала именно ад, место мучений осужденных грешников, или место мытарств, которые должны были проходить души в ожидании Страшного Суда.

Река является «нейтральным» пространством, в котором происходит изменение статуса героя. В Повести река выступает в качестве орудия очищения героя, ассоциирующаяся, с одной стороны, с апокрифической рекой покаяния – Иорданом, с другой, - с рекой огненной. Осуществление переправы символизирует, в свою очередь, прохождение героем самого опасного пункта пути. В отличие от переправ многочисленных героев русского эпоса, путь молодца успешен и означает прохождение проверки на истинность.

Таким образом, семиотика пространства Повести, образуемая концептами пути, родительского дома и монастыря, принципиально тождественна традиционной символике русского духовного стиха с её религиозной семантикой. В диссертации делается вывод о том, что этическая модель духовного стиха усиливает религиозное звучание идеи Повести, а также служит средством её образного воплощения при разработке темы человеческого жития. Это дает возможность читателю на наглядном примере приблизиться к верному пониманию нормы христианской жизни, направленной на преодоление греха и собственных заблуждений.

Глава III. Мифопоэтическая основа «Повести о Горе-Злочастии». В третьей главе рассматривается архетипическая модель повествования, в рамках которой осуществляется взаимодействие книжных и фольклорных элементов.

В ходе проведенного исследования мифопоэтической структуры Повести были применены структурно-семиотический, сравнительно-типологический и функционально-семантический методы. Анализ показал, что «житие» молодца дано в пространственном аспекте в соответствии с оппозициями свое/чужое, близкий/далекий, доля/недоля, жизнь/смерть. Переход героя из «своего» пространства (пространства родительского дома) в «чужое» свидетельствует о его медиативной функции. С этой точки зрения, Горе и молодец - как обладающие медиативной функцией персонажи – являются основными участниками конфликта, ставшего движущей силой в повествовании. Так, с помощью оппозиций близкий/далекий выстраивается сюжетное пространство произведения, в рамках противопоставления свое/чужое определяются функционально-семантические характеристики Гора и молодца.

Систему пространственных координат в Повести задает апокрифический вариант древа познания добра и зла – виноградная лоза. В соответствии со структурой мирового древа пространство в Повести подлежит кодировке по горизонтали и по вертикали. Так, родительский дом является для молодца «своим» пространством и содержит семантику заповедного места – рая, в который герой, уподобленный в повествовании ветхому Адаму, не может по известной причине вернуться.

Образ вселенной дан в виде иерархии: рай – небеса – земля, в которой земля занимает уровень «нижнего» мира. После грехопадения прародители, как сказано в Повести, отпущены Творцом на землю «нискую». Однако уровни мироздания обозначены образно-символически, что характерно для моделирования пространства в фольклоре. Птицы маркируют верхний уровень космоса, животные – срединный, рыбы

представляют подводный, равнозначный подземному, мир. Символика образов имеет устойчивую семантику в славянской народной традиции. Молодец, принимающий облик сокола или голубя, противопоставлен Горю в образе кречета и ястреба. Это противоположение обусловлено существующими в народной мифологии представлениями о соколе (традиционном обозначении доброго молодца в народной поэзии) и голубе (содержащем христианские коннотации) как о безвредных птицах, находящихся в оппозиции к птицам охотничьим - кречету и ястребу. Кроме того, ястреб считается в народе нечистой птицей, связанной с подземным миром, - с кладами, с мертвыми, душами грешников и преисподней.¹ Хищность и кровожадность ястреба обусловили семантику этой птицы, символизирующей смерть.

В финале Повести движение персонажей по уровням мироздания является собой метафорическую борьбу героя с враждебным существом, которая знаменуется выходом молодца из-под власти Горя. Оборотничество обоих персонажей представляется в этом отношении значимым вдвойне: как признак медиативной функции, предполагающей перемещения через семиотически важные границы, так и в связи с народными взглядами на смерть. В системе мифологических представлений оборотничество отражает мифопоэтический мотив борьбы двух полярных сил.

В контексте библейского сюжета о грехопадении мифологическая схема борьбы приобретает символическое наполнение. Существующая между молодцем и Адамом аналогия определяет поведенческую модель героя. Адам изгоняется из рая, следовательно, факт грехопадения актуализирует поиск “центра” (“светлого рая”) молодцем, что на языке мифа означает путь восстановления утраченной гармонии мироздания. На пути к центру герой должен пройти испытание через временную смерть.

Лиминальное состояние героя, находящегося между жизнью и смертью, обозначено его наготой. “Нагота-босота” молодца соотносится с его

---

¹ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 532.

попаданием в “чужое” пространство, где обитает “нагое”, “нечистое” Горе. Неопределенность статуса героя характеризуется многократной сменой одежды: богатой на гунку кабацкую, купеческое платье и крестьянские порты. Переломным моментом в судьбе молодца является его попытка покончить с “позорным житием”, утопившись в реке: при этом поклон молодца коварному Горю до “сырой земли” знаменует акт подчинения героя воле последнего. Символическое значение этого эпизода подчеркивается границей между мирами - рекой, которая имеет устойчивые ассоциации с эпической рекой смерти Смородиной, местом испытания и гибели богатырей.

Поклон Горю у реки являет собой символическую смерть героя, а бегство молодца от своего преследователя – попытку выйти за пределы царства мертвых. Таким образом, анализ мифопоэтической основы Повести позволил установить отрицательную характеристику Горя, в зоо- и антропоморфных образах которого проявились черты хищной Смерти.

Следует отметить, что символика смерти в Повести обнаруживает следы влияния фольклорной и литературной традиций. Поэтому семантика Горя как представителя чужого мира в мифопоэтической структуре конкретизируется благодаря широким контекстуальным связям. На основе сравнительного анализа изображения Смерти в “Прении Живота и Смерти” (XVI в.) в работе делается вывод о том, что Горе в Повести унаследовало некоторые черты ее литературного портрета. Так, образы косаря и рыбака, которые принимает Горе, принадлежат литературной топике. На основе этого делается вывод о сложной функционально-семантической природе Горя, в котором народные представления о смерти и злой судьбе трансформировались под воздействием литературной традиции изображения греха, понимаемого в христианстве как вечная погибель души. В Повести Горе не является олицетворением лирических песен, это персонификация, возникшая на народной почве, которая обрела индивидуальное содержание в назидательном повествовании.

Существенные черты Горя, важные для повествования в целом, проясняются при сопоставлении его основных характеристик и функций с традиционным изображением беса в книжности. В этой связи ярким моментом является эпизод, когда Горе впервые появляется молодцу во сне. Горе действует подобно искусителю, его появление в сновидении и в ложном облике архангела Гавриила - традиционный житийный шаблон. В Повести мнимый вестник пародирует функцию посредника между Богом и людьми. В создании этой антиситуации и проявляется бесовское начало «названного» архангела, который излукавил смысл сакральных обязанностей с точностью до наоборот.

В рамках народных христианских воззрений Горе – это хохочущий бес, демон хмельного духа, противостоящий Духу Святому. Его губительная сущность усилена смеховыми аллюзиями: локус обитания Горя – кабак, который в христианском понимании является бесовским «кромешным» миром; желая молодцу смерти вместо спасения, Горе «насмиялося», что является еще одним доказательством его inferнальности.

Таким образом, функционально-семантический анализ образа Горя показал, что данный персонаж - обязательный элемент архетипической модели, без активного участия которого сюжет не мог быть реализован. В основе сюжета «Повести о Горе-Злочастии» лежит мифопоэтическая схема борьбы, восходящая к мифологическому комплексу инициации героя. Подобная схема предполагает столкновение главного персонажа с враждебной силой. Отличительная особенность героя, проходящего испытание, - его медиативная функция. Молодец пересекает семиотически важные границы пространства Повести. Его передвижения определяют качественные изменения в судьбе, которая, таким образом, получает интерпретацию на языке пространства. Семантика пути молодца выстраивается в соответствии с оценочными оппозициями, традиционными для фольклора: свое/чужое; доля/недоля; жизнь/смерть. Кульминационным моментом в пути героя является встреча с Горем.

В Повести христианские коннотации проявляются наиболее полно в финале произведения: архетипические мотивы гибели-воскресения реализуются в соответствии с христианской идеей спасения. В этой связи архетипический мотив *блуждания* героя интерпретируется как нравственное *зablуждение* (каламбур принадлежит В.Н. Топорову), а чудесное избавление от Гора – как принесенное покаяние за грешное «житие».

Заключение. В заключении даны основные выводы по теме. Особо подчеркивается, что исследование «Повести о Горе-Злочасти» во взаимодействии всех аспектов произведения имеет определяющее значение для понимания идеи памятника XVII в.

Характерной чертой оригинальной беллетристики XVII столетия является использование фольклорной и книжной традиций. На примере «Повести о Горе-Злочасти» показано, что средневековая литературная традиция сохранила свое влияние, художественный потенциал и актуальность. Опорной для Повести стала дидактическая книжность, использовавшая библейскую топику для изображения «внутреннего» человека. На основе сравнительно-типологического анализа в диссертационной работе доказано, что библейские источники выступают в качестве содержательного инварианта, к которому генетически восходят многочисленные образы и сюжеты древней русской литературы.

Конкретный анализ связей Повести с библейскими источниками показал, что в Повести мотивы и аллюзии Писания образуют широкое контекстуальное пространство, актуализирующее в ее идейной структуре символический смысл событий. Проводимая параллель между библейской историей и рассказом о молодце представляется важной в построении символического подтекста произведения, который в известной степени определяет и подсказывает логику развития дальнейших событий, связанных с молодымцем.

Анализ ведущих мотивов произведения привел к пониманию функции и места образно-символического плана в «Повести о Горе-Злочасти». Ветхозаветная и евангельская топики образует структуру, в которой реминисценции и аллюзии соотносятся между собой, во-первых, функционально-семантически, во-вторых, символически. Из этого следует, что Повесть, задуманная в широком обобщающем плане, интерпретирует смысл и цель жизни согласно евангельской идее всепрощения и покаяния. Сюжет о грехопадении и история о молодце в «Повести о Горе-Злочасти» соотносятся между собой как начало и завершение христианской истории, как ее прообраз и исполнение. Интерпретация произведения в подобном случае основывается не на буквальном содержании, но на установленных текстологических ассоциациях, содержащих тропологический смысл. Иными словами, Повесть являет собой нравственный урок читателю, рассказывая историю человеческой души. В связи с этим трудно согласиться с мнением об авторском пессимизме, с каким описывается горькая доля всего человеческого рода. На самом деле, библейский контекст способствует проявлению позитивных оценочных коннотаций, раскрывающих глубокую религиозную идею относительно цели и смысла человеческого существования.

Уникальность и своеобразие «Повести о Горе-Злочасти» состоит в том, что автор, начитанный в книжности, представил житие молодца в соответствии с теми этическими ценностями и художественными взглядами, которые были для него актуальны и значимы. И в этом случае семиотика духовного стиха стала адекватной формой выражения нравственного содержания.

На основе полученных данных в диссертации делается вывод о сложном взаимопроникновении фольклора и литературы в «Повести о Горе-Злочасти», в иных случаях – сплаве элементов обеих традиций. Ее стилистическая и сюжетная целостность не определяется требованиями

жанра, поскольку специфической чертой Повести остается ее жанровая диффузность, или размытость. Органичность взаимопроникновения традиций обусловлена спецификой авторского сознания.

Изучение «Повести о Горе-Злочасти» помогло понять художественную природу текста XVII века и решить ряд проблем, связанных с интерпретацией идейной структуры произведения. Иначе, без учета существующих отношений и взаимовлияний, объективные оценки были бы невозможны.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

1. Охтенъ С.А. Образ Гора в «Повести о Горе-Злочасти» // Народная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 208-211.
2. Охтенъ С.А. Сюжет путешествия в «Повести о Горе-Злочасти» // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук / Редкол.: В.О. Бернацкий, Н.А. Томилов. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. – Вып. 4. – С. 64-68.
3. Охтенъ С.А. Паремийный символизм в русской повести XVII века (на материале «Повести о Горе-Злочасти») // Народная культура Сибири: Материалы IX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 173-176.
4. Охтенъ С.А. «Повесть о Горе-Злочасти» и традиция духовных стихов: к вопросу о генезисе и трансформации мотива «перехода» // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей / Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 192-200.
5. Охтенъ С.А. «Повесть о Горе-Злочасти» в контексте традиции учительной литературы (к постановке проблемы) // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и

региональные особенности: Материалы Международной научной конференции: В 2-х ч. / Сост. А.В. Подчиненов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. – Ч. 1. - С. 157-162.

6. Охтенъ С.А. Особенности повествования в «Повести о Горе-Злочастии» (к проблеме литературного контекста) // Вопросы фольклора и литературы: Сб. ст. / Отв. ред. А.Э.Еремеев, Г.В. Косяков. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 17-28.